

Л. А. Мясникова

Трансформация ценностей российского человека от советского к постсоветскому

В статье рассматривается трансформация ценностных ориентиров российского человека в период XX–XXI вв.

Автор исходит из понимания человека М. Шелером как места встречи и пересечения «духа» и «жизни», соединения природного и культурного. «Нюх» понимается в нескольких аспектах: как проявление природного («низшее чувство», обоняние), противопоставляемое духовности; как социокультурный конструкт; как особый смысловой и жизненный ориентир («держать нос по ветру»). Выделение различных смысловых нюансов позволяет обнаружить как оппозицию «духа» и «нюха», так и их соединения.

Трансформация ценностных ориентиров обнаруживается автором через выявление социокультурных этапов российского общества. Показывается замещение духовности эстетизмом (Серебряный век русской культуры), советской идеологией на разных этапах советского общества, ценностями «индивидуализированного общества» потребления. Автор показывает, что россияне, умеющие жертвовать и умирать ради Родины-матери, живущие по принципам коллективизма, отказа от индивидуальности и т. п., сложными путями стремятся достичь умения хорошо, достойно, жить, взаимодействовать с вещами. Цель статьи: подвести читателя к мысли о том, что «дух» и «нюх», духовность и чувственность – проявление жизненности.

В I части речь идет об основаниях и проявлениях ценностных ориентиров россиян в аспекте соотношения чувственности и духовности, о замещении духовности идеологией.

Во II части в центре внимания ценностная трансформация при переходе от советского к постсоветскому.

Ключевые слова: ценностные ориентиры, российский человек XX–XXI вв., дух, духовность, идеология, обоняние, нюх, запах, трансформация ценностей, советский человек, советская культура, постсоветские ценности.

L. A. Myasnikova

Transformation of the Russians' Values from Soviet to Post-Soviet

The article considers the transformation of the Russians' values in 20th–21st centuries.

The author's idea based on M. Scheler's understanding of a man treats a human being as a meeting and crossing point for «spirit» and «life», integration of the natural and cultural things. «The smell» covers several aspects: it is manifestation of the natural things («a primitive sense of smell») opposite to spirituality; it is also a sociocultural construct, a specific guide to life meaning («trim the sails to the wind»). Distinguishing different nuances of the meaning enables identifying both «the spirit» – «the smell» opposition and their unity.

The transformation of values is revealed through identifying the sociocultural stages of the Russian society. The article shows the replacement of spirituality by aesthetism (the Silver Age of Russian Culture), Soviet ideology of different periods, pragmatic values of the «individualized consumer society». The author demonstrates that the Russians who can sacrifice and even die for their Motherland, who live following the collectivism principles, rejecting their individual needs endeavour to reach a good descent life, the skill to cope with the things in a complex way. Thus, the article is aimed at leading the readers to the idea that both «the smell» and «the spirit», the spirituality and the sensuality are the manifestations of livingness.

The first part of the research paper determines the foundations and the expressions of the Russians' values in terms of relation between the spirituality and the sensuality, the substitution of the spirituality with the ideology.

The second part concentrates on value transformation in the transition period from the Soviet to the post-Soviet one.

Keywords: values, the Russians in 20th–21st centuries, spirit, spirituality, ideology, the sense of smell, smell, value transformation, Soviet people, Soviet culture, post-Soviet values.

На смену величию человеческого духа
приходит величие человеческого нюха.

Лихтенберг

Там русский дух,
Там Русью пахнет.

А. С. Пушкин

В I части нашей статьи было показано, что строительство советского общества и нового человека основывалось на замещении духовности идеологией. Оно сопровождалось аскетическим отношением к бытовой стороне жизни, понима-

лось как отказ от частной собственности, как приоритет общественного, коллективного над индивидуальным.

Коммунизм понимался как коммунальный быт, коллективистская личность, приоритет общественных ценностей над индивидуальными, что соответствовало русской ментальности с ее мессианской бездомностью, которая в итоге обрывается сиротством. Кроме того, начало советской эпохи приходится на пик развития инду-

стриального мира с его идеалом научно-технического прогресса и сопровождающей его инструментализацией человека во всем мире. Мир фабрики, мир машин порождает тотальный контроль и направляет энергию в нужное русло. «Энергия идеологического поля состояла из энергии реципиентов, вместе составляющих идеологическое излучение огромной мощности» [2, с. 70]. Главный ориентир: хочешь идти в ногу с прогрессом и естественным ходом истории – иди по пути, указанному партией вместе с пролетариатом. Срачиваясь с повседневной жизнью, замещая духовность, идеология вещает уже не от имени реальности, а от того, что выше жизни, что направляет ее ход (гиперреальность).

Можно согласиться с С. Бойм, что «мечта о монизме личного и коллективного, о тотальной целостности советского человека кончается «бездной унижения» [3, с. 117]. Ужимание квадратных метров для проживания отдельного человека, отсутствие личного интимного пространства оборачивалось «ужиманием личности». Жизнь в коммуналке – жизнь «в коммуналке, бок о бок с людьми разного происхождения, с самыми разными биографиями, чужими друг другу, но обязанными сообща пользоваться квартирными удобствами и содержать их в чистоте, без права на уединение, постоянно на глазах у соседей, крайне изматывала большинство жильцов психически» [7, с. 61]. Запахи коммуналки крайне трудно выветрить. Мечта о своей квартире – мечта всех поколений советских людей. В первые годы получить ее могли лишь представители новой советской элиты, преимущественно – партийные работники. Родина-мать, направляемая партией, обещая светлое будущее, пока требовала новой борьбы (с разрухой, со стихией природы, с мировым капитализмом...) и новых жертв.

Еще большую готовность и умение умирать (отдавать жизнь ради родины-матери) потребовала Великая Отечественная война. И люди умение жертвовать и умирать, как и умение выстоять и победить, продемонстрировали в полной мере. В этот период советская идеология с ее ценностями работала, но ее пришлось дополнить, вспомнив и о Боге, и о Церкви, и о русской истории, стойкости русского духа. Главным лозунгом идущих в бой был «За Родину, за Сталина». Победили, поразили весь мир умением умирать ради победы, ради родины. Но после войны хотелось жить.

Особым этапом в жизни советских людей стали 60-е, которые называют «хрущевской оттепелью». Развенчание культа личности Сталина,

провозглашение мирного существования и соревнования с США и «буржуазным миром», программа построения коммунизма к 80-м гг. XX в., утверждение-обещание: «Нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме!», политические, экономические реформы давали заряд энергии и открывали новые перспективы. Это была «импульсивная попытка преодолеть трагический разрыв, произошедшей после XX съезда, и вновь придать обществу этническую целостность, попытка смотреть вперед, а не назад и уйти от вопросов, на которые нет ответа» [5, с. 510–520].

Помимо преодоления внутреннего разрыва ценностных ориентиров общества (с одной стороны, тех, для кого И. В. Сталин был олицетворением СССР, победы в ВОВ, продолжателем «дела Ленина», настоящим коммунистом, с другой – молодых реформаторов), необходимо было преодоление колоссального разрыва между уровнем жизни в СССР и на Западе, особенно в США.

В 1957 г., по результатам социологических опросов, в США респонденты называли свою страну «самым счастливым обществом». В то время власти США (в частности Д. Кеннеди) обращались к народу с призывом: «Не спрашивайте, что дает мне государство, страна, а Вы спросите – что я дал стране, государству». Однако уже в 60-е в США оформляется концепция общества потребления. Спросом пользуются технические новинки, применяемые в быту. Происходит переселение в частные дома. Индивидуальная свобода – один из главных ценностных ориентиров. Относительное изобилие формирует классическую американскую потребительскую мечту: свой дом, автомобиль, свобода.

Послевоенный период на первый план на Западе и в США выдвигал ценности молодого поколения: всем хотелось веселиться, танцевать, хотелось праздника жизни. Появились молодежные субкультуры («битники», «люди с рюкзаками»), позже – хиппи.

Оттепель приподняла «железный занавес», отделявший СССР от Европы и мира.

В СССР тоже ощущался общий позитивный настрой, молодежь в нем играла яркую роль, чему способствовал Международный фестиваль молодежи и студентов, прошедший в 1957 г. В СССР приехали 34 000 делегатов из 131 страны мира: иная музыка, иные лица, иная одежда, иные манеры. В моду быстро вошли кеды, рок-н-ролл, джаз, бадминтон... А вскоре появилась первая советская молодежная субкультура – сти-

ляги. Обновление, желание «жить не по лжи» получили импульсы как изнутри, так и извне. Появилась надежда на «коммунизм с человеческим лицом», где будет место не только общему, но и индивидуальному. Человек-коллективист не исчез, коллектив стал мыслиться иначе. Коллектив – это «свой», связанные дружеским неформальным общением, на основе искренности, любви. Особенно нота искренности проявилась в туристских походах, жажда нового воплотилась в идее покорения космоса, природы (целины, Сибири...). Полет Ю. А. Гагарина в космос стал точкой нового отсчета цивилизации. Если сначала гордились тем, что победили фашизм, то стали гордиться и своей страной и строем послевоенного периода: догоним и перегоним США! Менялся быт людей. Жилищное строительство по новым технологиям позволяло расселять «коммуналки», у многих появилась своя отдельная «хрущевка». Сформировалась советская интеллигенция, принципиально отличающаяся от пролеткультовских кадров тем, что готова была мыслить самостоятельно, «а не делегировать это право какому-либо медиатору» (будь то вождь или партия) [5, с. 520].

С. Бойм заметила, что «официальная культура 1900-х ориентировалась на будущее, неофициальная – на настоящее» [3, с. 143].

Постепенно официальные и неофициальные ценности приходили во все большее противоречие. Точнее, официальная идеология все больше превращалась в «пустые слова», начало преобладать «циническое сознание» (С. Жижек). Рубежом стало даже не снятие с поста генерального секретаря КПСС Н. С. Хрущева и назначение на его место всем удобного Л. И. Брежнева, а введение советских войск в Прагу в 1968 г. и подавление обновляющих тенденций в Чехии, а вместе с тем – во всей системе социализма.

«Застой», в котором политический консерватизм негласно утверждал: все знают, что коммунизма – идеального общества не построить, но СССР – огромная держава, вокруг которой объединены страны социализма, СССР не только одержал победу над фашизмом, но и собрал вокруг себя военный блок – Варшавский договор, с СССР во всем мире считаются, поэтому не следует отказываться от коммунистической идеологии, хоть и нет убеждения в построении коммунизма.

Поскольку «циническое сознание» все более явно обнаруживается, то «нюх» все больше понимается как возможность ориентироваться в

ситуации, «держать нос по ветру», лавировать, строя карьеру и получая выгоду.

Конечно же, была и оппозиция, как явная (диссидентское движение), так и неявная, которая, открыто не провозглашая своего несогласия с официальной линией партии, в действительности жила, творила, действовала без оглядки на партийные установки. Причем творчество носило «домашний», «кухонный» характер. Многие творческие личности не могли презентовать свои творения, входить в официальные творческие союзы.

Но, как позже отмечали многие художники и поэты того времени (Э. Булатов, В. Немухин, И. Кабаков и др.), при внешней цензуре они ощущали необыкновенную свободу творчества и самовыражения [8].

Противоречивость 70-х – в сочетании конформизма и протеста. Причем конформист в какой-то мере тоже был оппозиционером: он хотел комфорта, уюта, а не героического выживания. Чем пахли те советские годы? Елкой и мандаринами, городскими сиренями, одеколоном «Шипр», духами «Красная Москва» (а кроме того «Ландышем», «Сиренью» и еще «Болгарской розой», а порой и кое-чем почти французским). В столовых – здоровая советская диета: борщи, щи, макароны, пюре, сосиски, тефтели, котлеты, минтай, компот, чудесный хлеб, иногда – конфеты. С молоком – перебои, как и с колбасой и мясом к концу 70-х. Но на лотках – изумительного вкуса мороженое и газировка, которую пили, не опасаясь «химии». Еще был запах тайги и туманов («а я еду, а я еду за туманом...»).

В 80-е в коммунистическую идеологию всем не верили, перестройки социализма не получилось, получился его конец с иронией, с запахом свободы, бедности, надежд, криминала (братков), нуворишей («новых русских»)… Бывшие чиновники и хваткие комсомольские деятели, имевшие опыт огромной работы и прекрасный нюх, быстро сориентировались в ситуации и стали новыми чиновниками и олигархами. Пахло китайским рынком, дезодорантами, импортной косметикой, немывтыми подъездами и роскошным парфюмом, пахло деньгами и нищетой, анашой и героином. Бывшие советские люди осознали, что дилемма Э. Фромма «быть или не быть?» – вовсе не дилемма. Стало ясно, что быть, не имея, нельзя.

Духовность связывалась со свободой, с инициативами, с творчеством, с экономическим ростом и благополучием. Повседневная жизнь че-

ловека, индивида перестала восприниматься негативно, она стала главной. Потребительское общество стало идеалом и в России.

Россияне хотели жить, а не умирать ради Родины, хотели жить хорошо, комфортно, удобно. Пошли в церковь, но покаяние из искреннего скоро стало внешним.

От торжества духа был сделан поворот к торжеству нюха. На Западе уже осуждали потребительство (см.: Джон де Грааф «Синдром потребительства»), а у нас только формировался «компетентный потребитель» [1, с. 122–125].

Пришла эпоха гламура, сакрализующая не дух, а именно нюх в его физиологическом и социальном аспектах.

Про природные основы и про социальную сущность общество постмодерна забыло, человек – конструкт, игрок идентичностями. В индивидуализированном обществе наступил «конец субъекта», огромные массы советских людей из «трудящихся» и «тружеников» превращались в носителей (и воплощение рыночной экономики).

Сменилось отношение к труду: любое усилие должно приносить прибыль не какой-то группе и обществу, а лично «мне», индивиду. Нюх на удачу, на успех стал приоритетом. А внешним его (успеха) выражением – дорогие ароматы дорогих вещей. Утвердилась психология гедонизма, культ развлечений, досуга. Все сопровождалось «жизнью в кредит». Вещи как мерило успеха выступали уже не овеществленным трудом, а «превращенной формой». Четко понималось, что если тебе ничего не принадлежит, то ты не принадлежишь себе. Не ты устанавливаешь границы своего пространства и отношения, а тебе их устанавливают. Тех, кто не имеет символических престижных вещей (сюда же надо отнести и образование, профессию, место работы, ночные клубы, посещаемые концерты и т. п.), отличают и отлучают, о чем свидетельствует фраза: «Бедные – тоже люди». «Бедные» превращаются в «нищобродов». Материальный достаток тождествен социальному успеху и определяет личностную самоидентичность. Материальный достаток – синоним достоинства. Но и вещи, и имидж в кредит приобретались. И конец сытых 2000-х – конец эпохи гламура через экономические кризисы с большинства блестящий флер дорогого аромата смахнул. Общество риска обнаружило опасность ориентации на нюх. Торжеству нюха тоже пришел конец, как ранее – торжеству духа.

Вновь вспомнили о ценностной вертикали, о патриотизме, о ценности Родины-матери. Решили

в истории и подвигах предков искать основу идентичности. Многому научила история: уметь терпеть и умирать ради... (родины, идеи, будущих поколений и т. п.), уметь мечтать о лучшем, уметь не зависеть от вещей, уметь «крутиться», уметь не упустить шанс, уметь «делать вид», уметь взаимодействовать с вещами... Пожалуй, пора вспомнить, что нюх как чувственное восприятие, как форма чувственности вовсе не является чем-то аморальным. Как говорил Г. Буркхардт, «недоразвитая нравственность в пределах нашей культуры непосредственно восходит к нашей недоразвитой чувственности» [4, с. 129].

Духовность – связь с иным, весть об ином, услышанная и прочувствованная как своя, – сочувствие, эмпатия. Хорошо бы духовность, которая изымается из жизненности, вновь соединить с жизнью, с природой.

Я уже писала о том, что «духовность может быть разной: и злой и доброй. Но в любом случае выход в духовную сферу не внечувственен, а чувственен...» [6, с. 23].

Научиться бы не противопоставлять «дух» и «нюх», а понять их как проявление жизни и природы.

Библиографический список

1. Батюта, Е. А. Компетентный потребитель в имитационной культуре [Текст] / Е. А. Батюта // Омский научный вестник. – 2008. – № 5 (72). – С. 122–125.
2. Берг, М. Литературократия: проблема присвоения и перераспределения власти в литературе [Текст] / М. Берг. – М. : НЛЮ, 2000. – 342 с.
3. Бойм, С. Общие места. Мифология повседневной жизни [Текст] / С. Бойм. – М. : НЛЮ, 2002. – 320 с.
4. Буркхардт, Г. Непонятая чувственность [Текст] / Г. Буркхардт // Это человек: антология : пер. с рус. / сост. П. С. Гуревич. – М. : Высшая школа, 1995. – С. 124–155.
5. Глебкин, В. С. Советская культура [Текст] / В. С. Глебкин // Культурология : энциклопедия : в 2-х т. Т. 2 / Главный редактор и автор проекта С. Я. Левит. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – 1184 с.
6. Мясникова, Л. А. Апология человеческой чувственности [Текст] / Л. А. Мясникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 13. – С. 19–24.
7. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город [Текст] / Ш. Фицпатрик ; [пер. с англ. Л. Ю. Пантина]. – 2-е изд. – М. : Российская полити-

ческая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 336 с.

8. Эти странные семидесятые, или Потеря невинности [Текст] : эссе, интервью, воспоминания / составитель Г. Кизевальтер. – М. : НЛО, 2010. – 432 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Batjuta, E. A. Kompetentnyj potrebitel' v imitacionnoj kul'ture [Tekst] / E. A. Batjuta // Omskij nauchnyj vestnik. – 2008. – № 5 (72). – S. 122–125.

2. Berg, M. Literaturokratija: problema prisvoenija i pereraspredelenija vlasti v literature [Tekst] / M. Berg. – М. : NLO, 2000. – 342 с.

3. Bojm, S. Obshhie mesta. Mifologija povsednevnoj zhizni [Tekst] / S. Bojm. – М. : NLO, 2002. – 320 с.

4. Burkhardt, G. Neponjataja chuvstvennost' [Tekst] / G. Burkhardt // Jeto chelovek: antologija : per. s rus. / sost. P. S. Gurevich. – М. : Vysshaja shkola, 1995. – S. 124–155.

5. Glebkin, V. S. Sovetskaja kul'tura [Tekst] / V. S. Glebkin // Kul'turologija : jenciklopedija : v 2-h t. T. 2 / Glavnyj redaktor i avtor proekta S. Ja. Levit. – М. : «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 2007. – 1184 с.

6. Mjasnikova, L. A. Apologija chelovecheskoj chuvstvennosti [Tekst] / L. A. Mjasnikova // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 13. – S. 19–24.

7. Ficpatrik, Sh. Povsednevnyj stalinizm. Social'naja istorija Sovetskoj Rossii v 30-e gody.: gorod [Tekst] / Sh. Ficpatrik ; [per. s angl. L. Ju. Pantina]. – 2-e izd. – М. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN); Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina, 2008. – 336 с.

8. Jeti strannye semidesjatye, ili Poterja nevinnosti [Tekst] : jesse, interv'ju, vospominanija / sostavitel' G. Kizeval'ter. – М. : NLO, 2010. – 432 с.